

Му Цинфэн хоть и был князем, не был человеком, гонящимся за наслаждениями, но эта кукурузная лепешка была на редкость твердой и терпкой. Ему пришлось снова обратиться за помощью к Гу Шаобаю:

— Дай воды.

— Налей сам, — последовал ожидаемый ответ.

— Не дотянусь, — с горькой усмешкой произнес Му Цинфэн. — На этот раз ногой не достану.

Гу Шаобаю пришлось взять другую миску, налить воды и подать обеими руками.

Принимая воду, Му Цинфэн случайно заметил, что запястье Гу Шаобая было красным и опухшим от железных оков. Внутри всё закипело, и он мысленно проклинал того мерзавца Сяо У, который затянул наручники так туго, словно хотел перерубить запястье!

Взяв воду, он быстро наклонил голову и, пока Гу Шаобай не успел отдернуть руку, нежно поцеловал его запястье. Гу Шаобай словно обжегся, резко отдернул руку и с гневом воскликнул:

— Ты что творишь?!

Му Цинфэн медленно сделал пару глотков холодной воды и мягко спросил:

— Больно?

Гу Шаобай на миг замер, затем отвернулся и с обидой произнес:

— Это всё из-за тебя...

Его взгляд устремился на черное ночное небо за входом в пещеру. Вскоре послышался шум дождя — действительно начался ливень.

Горный ветер, насыщенный влагой, ворвался в пещеру. Гу Шаобай дрожа поежился. В начале лета в этих горах ночи были пронизывающе холодными.

Не отрывая взгляда от дождливого неба, он спросил:

— Если я спрошу, кто ты таков и в чем твоя цель, ты ответишь?

— Нет.

Через какое-то время он задал другой вопрос:

— Если этот второй главарь действительно возьмет меня в заложники и отправит тебя в уезд Цзинъян за выкупом к некоему господину Цзя, ты ведь не вернешься, да?

— Почему ты так думаешь? — спросил Му Цинфэн.

Гу Шаобай медленно заговорил:

— Ты воспользовался этим способом, чтобы попасть сюда, значит, у тебя есть своя цель. Достигнув её, ты точно не задержишься в этом опасном месте надолго. Единственный способ уйти живым и не вызвать подозрений — это именно этот, не так ли?

Му Цинфэн вдруг рассмеялся и с шутливой интонацией сказал:

— Хм, ты совсем неплох. Тогда скажи, где твой дом? Я действительно отправлю письмо, чтобы родные выкупили тебя.

Гу Шаобай, казалось, не слышал его слов и долго молчал. Он думал о том, что ради такого дела Му Цинфэн решился рискнуть в одиночку. Если он сможет помочь ему благополучно уйти, это будет заслугой.

Если всё же суждено умереть, то перед смертью он скажет ему, что он Гу Шаобай, и попросит, ради того что он хоть как-то спас ему жизнь, пощадить семью Гу.

Му Цинфэн смотрел на его молчание. На бледном лице черные глаза были полны печали; в них словно собралась дождевая влага, заставляя взгляд затуманиться, а в этой дымке читалась глубокая безмолвная тоска.

В одно мгновение тонкая боль, словно паутина, начала разливаться в сердце, вскоре опутывая его и сжимая невыносимо.

Наконец свеча в керосиновой лампе погасла, и в тихой пещере послышалось ровное дыхание Гу Шаобая.

В темноте раздался легкий щелчок, и Му Цинфэн встал. В пещере было низко, и ему пришлось слегка согнуться, подойдя к человеку, свернувшемуся у стены.

Он опустился на одно колено, пальцы коснулись его холодной щеки. После мгновенного колебания он легко нажал на сонную артерию. Видя, как пальцы Гу Шаобая слегка шевельнулись, он возился с замком, и наручники бесшумно отстегнулись.

Му Цинфэн оттащил его от сырой холодной стены, снял верхнюю одежду, укутал его и аккуратно уложил на землю. Затем стремительно выскользнул из пещеры. Его фигура мелькала в темноте, словно испуганный заяц, и вскоре растворилась в ночи.

— Лао Эр, в этот раз прощаю, но чтобы это был последний раз! — в центре зала собраний на кресле, обитом тигровой шкурой, сидел коренастый мужчина лет сорока. Это был главарь Крепости Феникса Сун Ань, и обращался он к своему брату, второму главарю Сун И.

Он был крайне недоволен самоуправством брата, но тот был родным. Единственный брат любил азарт и женщин, постоянно пропивал всё в городских борделях и игорных домах. Его доля давно была потрачена до копейки.

Но даже в нищете они не смели трогать золото и серебро, спрятанные в подвале. Если бы тронули хоть крупицу, хозяин приказал бы разорвать их на куски.

Сам он не знал, кто такой хозяин. Однажды господин Гэ с писарем и красавицей проверили счета. Писарь нашел ошибку, бухгалтер сговорился с Сяо Ба и присвоил казну.

Он еще не успел заступиться, как никто не заметил, как ударила красавица, но все увидели холодную вспышку, и головы Сяо Ба с бухгалтером уже покатались по полу.

Сун И с обидой промолвил:

— Старший брат, господин Гэ перестраховывается. Что может случиться? Раньше мы в

Крепости Феникса грабили на славу, а год назад ты пошел к этому господину Гэ, прислуживаешь хозяину, а толку-то не видно. Хозяин, хозяин... никто не знает, кто этот чертов хозяин, мы даже не знаем, на кого работаем...

Слушая басни Суна И, Сун Ань думал иначе. Год назад его поймал префект Аньяна Гэ Чуньхуэй, и он думал, что ему конец. Но Гэ Чуньхуэй не стал его убивать.

Вместо этого он привел к нему в тюрьму человека — писаря хозяина. Они указали ему путь, путь служения с Гэ Чуньхуэем.

Чтобы выжить, он был вынужден согласиться. Вернувшись в горы, он никому не сказал о плене, только заявил, что теперь работает с Гэ Чуньхуэем, и у всех будет еда и питье.

О таинственном хозяине знали только они с братом.

Тот хозяин их не обделил, и все припасы были лучше, чем раньше, когда они грабили и жили впроголодь.

Полгода назад Гэ Чуньхуэй привел тридцать загадочных людей с высокими боевыми навыками. Каждый раз, когда они выходили из гор, они приносили грузы или деньги. Деньги прятали в подвале, а груз через несколько дней увозили.

Сун И однажды тайком припрятал ящик, полный отличных клинков. Две недели назад те люди увезли партию оружия и не вернулись, а Сун И, несмотря на возражения Суна Аня, начал пользоваться новым мечом.

Сун И всё бубнил, а Сун Ань с неудовольствием смотрел на брата, зная, что его жадность и глупость накликают беду. Как сегодня — самовольно взял заложника.

— Лао Эр, поменьше болтай! Ты сегодня опять ездил на армейском коне?

Сун И замолчал, а голос Суна Аня стал жестче:

— Я же говорил тебе не трогать тех лошадей! Они слишком приметны, любой знаток сразу узнает... И меч этот убери скорее.

— Ладно, ладно, обещаю, — Сун И, видя гнев брата, смиренно согласился.

Увидев, что лицо Суна Аня прояснилось, Сун И снова начал канючить:

— Старший брат, дай ключ от подвала, я немного возьму, никто не заметит.

Сун Ань с каменным лицом ответил:

— Нет. Завтра ночью приедет господин Гэ, может быть, с писарем. Если не сойдется счет, тебе жить не захочешь. Забыл, как погибли Сяо Ба и бухгалтер Ли?

При этих словах Сун И поник, вспомнив жестокость той красавицы, и у него онемел язык.

Сун Ань добавил:

— Спрячь своего заложника. Если господин Гэ узнает, тебе мало не покажется.

Сун И хихикнул, они еще поговорили, но уже поздно, и Сун И ушел к себе.

Как только Сун И скрылся за поворотом тропы, из густой кроны баньяна у окна зала вынырнула черная тень и исчезла в дождевой завесе.

Му Цинфэн вернулся в пещеру, стряхнул с лица воду, сел на землю, скрестив ноги, и обдумывал разговор братьев Сун.

Это ограбление военного припаса было тесно связано с Крепостью Феникса. Поднимаясь в горы, он удивлялся, как эти бандиты, даже будь они очень способны, были всего лишь сборищем шаромыжников. Даже проглотив волчью смелость, у них не было сил совершить такой тщательно спланированный и организованный налет.

Оказывается, это дело рук тех самых людей на армейских лошадях, о которых говорил Сун Ань. А кто такой господин Гэ? Неужели префект Гэ Чуньхуэй?

Если это так, то он поймал крупную рыбу, о которой даже не мечтал.

<http://bllate.org/book/16730/1538655>